

Анна
Осокина

У ВЕТРА
ТВОИ ГЛАЗА

Анна Осокина

У Ветра твои глаза

«Литнет»

2021

Осокина А.

У Ветра твои глаза / А. Осокина — «Литнет», 2021

РОМАН ВЫШЕЛ НА БУМАГЕ! Подвести свой род, не сумев добить умирающего врага, – не самое страшное. Спасти его от смерти – хуже. Но предать саму себя и полюбить – недопустимо. И все же иногда судьба сплетает в крепкий узел две нити жизни, которые никогда не должны были соединиться. Сможет ли знахарка Мирослава найти силы и отказаться от того, к кому стремится ее душа? Или останется рядом, потеряв не только свободу, но даже и собственное имя?♥#♥#♥#Очень эмоциональная, богатая на откровенные сцены история любви с древнеславянским колоритом.

© Осокина А., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Они пришли в белесых предрассветных сумерках. Высокие, как на подбор, широкоплечие, облаченные в объемные шубы поверх темных кожаных доспехов, с оголенными изогнутыми клинками в громадных ладонях.

Они несли смерть и беды.

– Горим! Люди, горим! – кричал кто-то, голос прорывался сквозь плотно закрытые ставни.

Мирослава была уверена, что это продолжение ее тяжелого, суетного, прерывистого сна. Она всю ночь промучилась, беспокойно вздрагивая, пытаясь прогнать кошмары, но те упорно никуда не хотели уходить, продолжая вгрызаться в голову железными челюстями.

Отчаянный крик продолжался, пока резко не оборвался на самой высокой ноте. Мирослава подхватила с колотящимся сердцем. На улице все резко стихло. Ох, не к добру это. Молодая женщина слезла с печи, на которой спала. Переминаясь с ноги на ногу на стылом полу, в темноте избы не сразу нашла, где оставила башмаки, а когда все же смогла надеть их, распахнула ставни. Но с этой стороны улица оказалась совершенно пуста. Мира принялась впопыхах натягивать тулуп прямо поверх длинной нижней рубахи. Не успела.

Входная дверь с грохотом распахнулась, хлипкий засов жалобно звякнул, отлетев. Один миг – и вход в сени тоже оказался нараспашку. Внутри проник холодный осенний воздух, пахнувший дымом, и слабый утренний свет.

Тулуп полетел на пол. Мирослава замерла, не смея двинуться с места. Ноги стали древесными стволами, укорененными глубоко в землю. В нескольких шагах от нее, вглядываясь в темноту хаты, стояли трое гигантов. Монойцы. Кошмар всех вятичей. Каждый из чужестранцев сжимал в руке перед собой по огромному ножу. Мужчины были готовы к любой обстановке в доме, могли отразить нападение. Или, вернее, защиту. Но этого не потребовалось, ведь там находилась лишь одна хрупкая селянка. Растрепанная после сна и напуганная.

Через несколько мгновений, когда зрение их прояснилось, тот, который стоял посередине, бросил через плечо несколько резких слов. Чужая грубая гортанная речь больно резанула слух. Мирослава прижала руки к груди, пытаясь унять скачущее галопом сердце.

Двое безмолвно отступили и вышли на улицу. Третий задержался. Рассветало уже достаточно, чтобы разглядеть его лицо. Страшное. С резкими чертами, будто из камня вырезанными скулами, раскосыми черными узкими глазами и темными раскидистыми бровями. Его кожа была непривычно смугла. Он целую вечность смотрел на хозяйку дома, не отводя взгляд, а потом мучительно медленно стал опускать его, оглядывая ее довольно полную грудь и тонкую талию, переходящую в круглые бедра. Легкая белая ткань почти ничего не могла скрыть от скользящего морозом внимания. Мира знала, что за глаза деревенские бабы смеются над ней, слишком хлипкой всегда та была. С таким телосложением трудно работать в поле, силы в ее руках гораздо меньше, чем у соседок. Но, кажется, чудовища, стоявшего перед ней, это вовсе не смущало.

Не глядя он запахнул за собой дверь и сделал шаг навстречу. Женщина, наконец, отмерла и попятилась. Но вскоре уперлась в стол. Страшное лицо все приближалось. Вот он стоит уже в полушаге от нее, такой высокий, что ей пришлось бы задрать подбородок, чтобы еще раз заглянуть в эти черные глубокие колодцы. Но она не делала этого – страшилась. Опустила голову, зажмурилась, вся сжалась.

Мира прекрасно знала, что ее ждет. Ее некому защитить. Муж, который мог бы, уже полгода как почил, она развеяла его прах над чистым полем. Его унес ветер. Что она, тростинка, может сделать против этого дуба?

На их селение нападали нечасто, но каждый такой налет оставлял за собой сожженные и ограбленные дома, покалеченные трупы пытавшихся сопротивляться мужчин да горюющих вдов и матерей. А еще истерзанных девиц, которые, если выживали, приносили на этот свет нежеланных, нелюбимых и всеми презираемых детей с заранее поломанными судьбами. Некоторые трогались умом, нередко выживших через несколько седмиц* после такого кошмара находили в реке. Те предпочитали расстаться с жизнями, когда понимали, что носят во чревах отпрысков этих извергов.

Она услышала глухой стук и украдкой приоткрыла веки: он положил клинок на стол. В следующий миг ее еще горячего после сна тела через легкую ткань рубахи коснулись холодные руки. Она вздрогнула. Одним резким движением он посадил ее на стол. И что-то произнес на своем грубом наречии. Она ни слова не поняла, тогда он схватил ее за подбородок, заставив смотреть на себя. Глаза в глаза. От него пахло дымом и солью. Вся одежда насквозь пропиталась тем особым ароматом моря, который ни с чем не спутаешь.

В чужеродных чертах лица она прочитала знакомые эмоции. И, несмотря на испуг, такой сильный, что ее мутило, удивилась. Он сомневался. Вглядывался в ее голубые озера, будто хотел найти там что-то для себя. Но у нее не было ничего для него. Только страх, только затененная ненависть, которая вот-вот готова прорваться наружу и затопить собой всю душу. Мирослава страшилась и презирала его. Он ждал. Она не смогла бы сказать ему то, что чувствует. Между ними стояла непреодолимая преграда совершенно непохожих друг на друга языков. Но Мирослава позволила всей гамме чувств отразиться в каждой черточке лица. Из пучин голубых озер выплеснулось все отвращение, долгими десятилетиями копившееся у ее народа по отношению к врагам.

Лишь на мгновение она увидела в нем растерянность. Боль. И даже страх. А потом он усмехнулся, показав крепкие ровные зубы. От этой улыбки Мира затряслась. Не желая больше медлить, злодей невероятно быстрым движением разорвал ткань ее рубахи: от шеи и до самого подола. Мира хотела прикрыть грудь ладонями, но тот не позволил ей сделать это, лишь покачав головой. Ледяными руками он провел по ее плечам – остатки ткани упали на стол. Мира сглотнула горькую вязкую слюну. Его пальцы тревожно медленно направлялись от ее ключиц, огибая мягкие, но упругие холмики, чуть коснулись затвердевших от холода сосков, вниз по ребрам, к животу. И все это время он вглядывался в ее лицо, улавливая малейшие изменения. Она растерялась. Не так представляла себе взятие женщину силой. Что он творит?

Он медленно, но с неотвратимостью приближающейся бури раздвинул ее бедра, приподвигая Миру на самый край стола, ближе к себе. Она продолжала его ненавидеть. Но тело помимо воли реагировало на прикосновения. Он не был ей противен, хотя и вызывал ураган разных чувств. От сознания этого и омерзения к самой себе она не смогла сдержаться: две одинокие слезы медленно поползли по щекам, почти встретились на подбородке и продолжили путь по шее. Он, наконец, оторвал взгляд от ее глаз и проследил за мокрыми дорожками, внезапно отстранившись и сжав кулаки. На его лице отразилось такое явное отвращение, что Мира даже перестала дышать. Неужто она ему настолько противна? Эта брезгливость, исходящая от монотона, даже сквозь испуг и всю гамму эмоций больно кольнула в то самое место внутри, которое называют женским самолюбием.

Но, словно перешагнув через себя, он резко прижал ее к себе. Одной рукой схватил за длинные волосы, распущенные на ночь, причиняя боль, другой впился в спину. Мирослава остро почувствовала, как грудь царапает грубый доспех, а в нее упирается его твердое мужское естество, и прикусила губу, чтобы не застонать. Он уткнулся носом ей в шею, вдыхая запах кожи, еще сильнее натягивая волосы, так, что Мира все же не сдержала глухой то ли стон, то ли всхлип. Этот звук привел чужестранца в чувство. Он отстранился от нее, с высоты своего роста взирая почти бешеными глазами. И снова эта непонятная, практически осязаемая гадливость и боль. Чистое, неприкрытое страдание, которое, казалось, можно потрогать.

Но ведь такие, как он, не могут страдать!

Он отшатнулся от женщины так внезапно, что та еле удержалась от падения. Схватил длинный нож, который лежал на столе. Испугавшись этого резкого движения, Мира не удержала короткого вскрика, но тут же закрыла рот ладонью. Моноец попятился на несколько шагов, вложил оружие в ножны на поясе, отвернулся от нее боком. Тяжело дыша, как после бега, он схватился ладонями за виски, что-то бормоча, а потом со всей силы пнул деревянную кадку с чистой водой, что стояла у печи – жидкость огромной лужей растеклась по всему полу. Немедля больше, он выбежал из хаты. Мира осталась. Оглушенная, потерянная, с привкусом горечи во рту и странным чувством жалости к этому страшному великану.

*Седмица – неделя.

Все еще пребывая в состоянии какого-то полузабытья, Мира медленно слезла со стола, оделась и почему-то принялась зашивать порванную рубаху. Как будто сейчас это было самое важное дело. Как будто на улице не кричали люди. Как будто она не слышала лязг оружия...

Лязг оружия?..

Бросив шитье на лавку, Мирослава прильнула к стене у маленького окошка, боясь высунуть голову. Чужая гортанная речь перемежалась с родной. Кто-то сражался прямо возле ее двора. Глубоко вдохнув, женщина все же выглянула и обомлела: чужестранцев теснили воины княжеской дружины. Она знала их одежду, те всегда сопровождали князя, когда тот объезжал свои владения, собирая полюдь*

По счастливой случайности князь Беримир выбрал именно сегодняшний день, чтобы приехать в их Топи за причитающейся данью. Мира не могла поверить глазам. Это не укладывалось в голове. Два судьбоносных события в один день. Так им, узкоглазым бесам! Получайте! Уж сколько они душ сгубили – не сосчитать. Пускай же хотя бы раз получают по заслугам!

Мира, зажав рот ладонью, с тяжелым сердцем наблюдала за боем. Чужестранцы были искусны, ловко уворачивались от атак и сами нет-нет да и разили противников, но их оказалось гораздо меньше, чем княжеских дружинников.

Она видела сражение как на ладони и только крепче зажимала рот рукой, чтобы не вскрикнуть во время особо напряженных моментов. У хаты сражались сразу несколько пар противников. Где же ее обидчик? Мира пыталась найти его глазами, но мужчины нигде не было. Может, уже лежит где-то убитый? И поделом!

Бой одной пары резко переметнулся прямо к ней во двор, под окно. Мира сперва отпрянула, но любопытство победило. Невысокий, но коренастый и очень широкий в плечах дружинник наступал на узкоглазого, тот выглядел уже измотанным. Он еле держался на ногах. Один неверный шаг, один неправильный поворот корпусом – и княжеский воин не упустил возможность: лезвие короткого меча поразило рабочую руку противника прямо в кисть. Удар получился такой мощный, что у чужестранца отлетело несколько пальцев.

Мира смотрела на это, как во сне. Время замедлило бег. Вот узкоглазый роняет свой длинный нож, непроизвольно прижимает покалеченную конечность к груди, отступая к стене. Он так близко, что женщина могла бы дотронуться до него, протяни только руку. Дружинник делает выпад и разит противника прямо в незащищенное горло, меч входит в смуглую кожу, как в мягкое масло. С выражением омерзения на лице победитель резко вытаскивает оружие из плоти побежденного. Дергаясь всем телом, тот почему-то разворачивается всем корпусом к ней. На лицо ее брызгает кровавый фонтан из его горла.

В этот момент Мира очнулась, в ужасе отшатнулась, отступая вглубь хаты. Она зажимала ладонью один глаз, в который попали брызги, но другим видела, как упало тело поверженного

монойца: сперва на колени, а потом ничком на холодную землю, продолжая обагрять ее выходящей наружу жизненной силой.

Кое-как протерев глаз, Мирослава посмотрела на свою алую ладонь. От металлического запаха и привкуса во рту – видно, капли попали и туда – ее скрутило пополам и вывернуло прямо посреди хаты. Она упала на четвереньки, пытаясь снова научиться дышать, но, казалось, дом насквозь пропитался запахом крови мертвого великана. Женщина с трудом доползла до порога и, приоткрыв дверь, застыла, жадно вдыхая холодный воздух.

Звуки продолжали раздаваться с разных сторон, но уже в отдалении. Дружинник прошел мимо нее, лишь мельком взглянув на сидящую на пороге, привалившуюся спиной к дверному косяку бледную, перепачканную кровью селянку с полуприкрытыми веками. Возможно, решил, что она умерла. Мира не стала его окликать, смотрела на удаляющуюся спину. Что она могла ему сказать? Поблагодарить? В этой ситуации – глупо и бессмысленно.

Все бессмысленно. Вся ее теперешняя жизнь. Она следила за постепенно поднимающимся выше горизонта ярким дневным светилом и не двигалась. Будто и вправду умерла. Хотя, наверное, так оно и было. Ее душа погибла. В жизни не осталось смысла. Все близкие люди, один за другим, покинули этот мир буквально за год.

Сперва родителей унесла какая-то неведомая лихорадка, они сгорели за седмицу. Надо признать, что не только ее мать и отца затронул недуг. В Топях многие семьи остались неполными, но Мира от этого не легче. Почти сразу за родными – муж... Сорвался с крыши, когда помогал чинить ее соседу. Он умер в тот же миг, как коснулся земли.

Судьба насмеялась над ней. Любила ли Мирослава Вторака? Да разве ж простые люди о любви думают? С ним жилось неплохо: он не бил и не обижал. Даже не пил, как большинство мужиков в их селении. Работящий был. Это его и сгубило. Мира жалела только об одном: ребеночка так у них и не получилось за те несколько лет, что прожили бок о бок.

По одной щеке покатилась слеза, промывая чистую дорожку на уже порядком подсохшей на коже и застывшей неприятной корочкой крови.

А затем от нее ушла и бабка Драгана. Старая знахарка, с которой Мирослава тесно сошлась после смерти родных, покинула ее две седмицы назад. Та жила на отшибе, в старой покосившейся хатке возле леса, куда Мира зачастила. Все свободное от работы в поле время молодая женщина проводила у ведьмы, как кликали ту за глаза. Драгана научила ее читать и даже немного писать. Похвалиться таким умением мог разве что староста селения Войко.

А теперь Мира не понимала, зачем ей это? Зачем знать, каким отваром остановить кровь, каким – сбить лихорадку, как лечить кашель и простуду. Не нужны ей эти знания, которыми так старательно делилась с ней старуха. Мира хочет лишь покоя. Где тот внутренний свет, та сила, которую видела в ней знахарка? В ней все потухло. Был свет, да весь вышел.

И все же сердце дрогнуло оттого, что многих сегодня ранили, кому-то еще можно помочь, а знахарка померла. И единственный человек, которому та передала часть знаний – Мира.

Потрясенная, оглушенная случившимся, северянка просидела на пороге почти до вечера. Она слышала, как радовались ее соседи, покидая относительно безопасные жилища, чтобы благодарить избавителей. На нее никто не обратил внимания. И она была этому рада. Уже в сумерках с трудом поднялась и как чумная пошла по двору, перешагнув мертвого чужестранца, которого так никто и не убрал.

Мирослава шла в сторону дома Драганы. Она должна взять себя в руки и забрать оттуда нужные ей травы и материалы для того, чтобы помочь раненым землякам. По дороге от нее в испуге отшатнулся сосед, взглянув в лицо. Он осенил себя знаменiem, которое, как считалось, отгоняло всякую нечисть. То ли не узнал ее, то ли намеренно предпочел обойти Миру стороной. Она улыбнулась на это и вдруг горько засмеялась как безумная, запрокинув голову к темному небу. Прямо на дороге валялись искалеченные трупы захватчиков, которых еще не

успели убрать. Она перешагивала их и смеялась до икоты, громко, заливисто, утирая выступившие слезы, пока не зашла в лес.

Еще немного – и она окажется в этом старом, всеми покинутом домишке. Никому он не нужен. Никто не приходил сюда с самой смерти старой Драганы. Да и сама Мира не могла заставить себя вернуться сюда. Но почему-то именно сейчас почувствовала, что должна сегодня туда прийти. словно какая-то неведомая сила влекла ее к старой хате. Раненые подождут до завтра. Тяжелым она все равно не поможет. К тому же, как она знала, князя всегда сопровождает лекарь. Он и позаботится об остальных. А Миру тянуло в дом, в котором она отдыхала душой тихими вечерами за чашкой травяного отвара.

Лес был непривычно тих. Ни одна птица не подаст голос, ни одна еловая лапа не шелочнется от ветра. Мира и сама теперь ступала мягко и бесшумно, стараясь не будить спящие деревья и других обитателей сего места. Главное, не повстречать навку, пока до защищенного дома не добралась. Не к месту вспомнился один вечер, проведенный у Драганы. В тот раз Мира припозднилась и решила заночевать у наставницы.

Уже приготовившись ко сну, она вдруг услышала детский плач – тонкий, жалобный, просящий о помощи – и хотела выйти, но знахарка остановила, крепко сжав ее руку.

– Баб Ана, разве не слышишь? Дитенок зовет какой-то, никак заблудился.

Старуха грустно улыбнулась и покачала головой.

– Слышу, детка, слышу. Каждую ночь ее слышу. Не ходи туда. Навка это. Мертвая давно. Да все никак не успокоится. Стенает под окнами. А коль и ты слышишь, то не ошиблась я в тебе, похожи мы.

Мира нахмурилась. Снова она за свое. Все про силу ее твердит. Да если бы был в ней свет тот, уж почувствовала бы. А так – обычная молодая баба, больно несчастливая только.

– Не говори никому, что слышишь их, поняла? – глаза смотрели строго, заставляя пообещать, что она будет молчать. Никто не узнает.

И вот теперь Мирослава пробиравась по лесу, то и дело замирая и страшась услышать... Нет, даже не услышать, на самом деле она боялась увидеть навку. Кто знает, выдержит ли ее разум еще одно потрясение за сегодняшний день?

Сквозь деревья уже проступали очертания покосившегося домишки. Северянка невольно ускорила шаг, стараясь быстрее оказаться в безопасных стенах.

Тишину леса пронзил стон. Мира подпрыгнула и схватилась за сердце, глядя в сторону его источника.

*Полюдь – дань.

Под раскидистой голубой елью лежал человек. В тени деревьев поздние сумерки и вовсе казались непроглядной теменью. Но из-за облака выглянула ущербная луна, осветив его бледными серебряными лучами.

Нет, не человек вовсе. Такие не могут зваться людьми. Враг. Нелюдь. Моноец!

Первая мысль: бежать! Как можно дальше от этого страшного существа. Запереться в домике, привалить к двери стол и лавку – что угодно, чтобы он не вломился следом. Но, сдержав первый малодушный порыв, она поняла, что мужчина не шевелится. Мертвый что ли? Но ведь Мира точно слышала, как кто-то застонал.

Женщина нерешительно подошла ближе, так и не сумев понять, жив ли этот нечистый. Готовая в любой момент сорваться и бежать прочь, она боязливо ткнула его в бок носком башмака, тут же одернув ногу: чужак закашлялся – на губах выступила кровь, которая сейчас казалась черной – и раскрыл узкие глаза. Мира вскрикнула и отшатнулась. Это он! Он был сегодня в ее доме! Он разорвал на ней рубаху! Взгляд вонзился в память раскаленными щип-

цами. Никогда в жизни, даже в самой старости, если доживет, не забыть ей эти две страшные черные дыры, которые ведут в его не менее черную душу.

Мирослава пяtilась и пяtilась, пока, наконец, не отвернулась от него. Она зайцем припустила к домику покойной знахарки. Не зря в селении про монойцев говорят, что бесы они. Бесы и есть. Не бывает у людей таких глаз.

Не успела Мира опомниться, как уже влетела в дом, что было мочи захлопнув и без того покосившуюся дверь. С трудом, но дерево поддалось и прочно утвердилось на своем месте. Она закрылась на засов, поспешно затворила вторую дверь – из сеней в саму хату – и действительно для верности придвинула к выходу тяжелый деревянный стол, помня о том, как легко монойцы выбили ее собственную.

Огня в печи, конечно, давно не осталось. Поэтому пришлось повозиться, чтобы его разжечь трясущимися руками. Старый светильник, в котором оставалось еще немного жира, явил взору нехитрую обстановку помещения, треть которого занимала печь. Сначала Мира только ходила кругами. Не могла остановиться и успокоиться. Чтобы как-то занять себя, затопила печь, благо дрова еще оставались. На улице уже довольно холодно.

Побродив еще немного, Мира тяжело опустилась на широкую деревянную лавку.

Моноец явно ранен. Она не видела, в какое место. Но он точно не отдохнуть прилег. Наверное, сбежать пытался, трус, да силы закончились! Мира сжала кулаки. Она почувствовала ужасную злость, раздирающую все ее существо на мелкие клочки. Пусть подышает! Это то, чего заслуживают все они! Женщина снова вскочила и принялась нарезать круги.

Если его не убьют ранения, то начатое закончит холод. Ночью земля уже покрывалась инеем. Все знали, что монойцы никогда не приплывали к ним зимой – слишком сурова здешняя погода для них, да и не сезон – штормит постоянно. Диво, что в этот раз появились так поздно – урожай уже давно убран. Еще несколько седмиц – и землю укутает ослепительное снежное одеяло. Поговаривают, что в тех местах, где живут эти чудовища, зимы почти такие же теплые, как и лета. Мира даже не могла представить себе такого. Это не укладывалось в голове. Неужели кто-то мог прожить целую жизнь и ни разу не увидеть, как с неба падают искрящиеся снежинки? Конечно, для тех, кто не родился здесь, зимы могли показаться тем еще испытанием на прочность, но Мира любила снег. Ей нравился холод. Особенно в те далекие времена, когда были живы еще батька с мамой, когда они проводили студеные вечера в тесной светлице одной большой семьей со старшими сестрами и младшими братьями. Никого не осталось в Топях. Оба брата разъехались в поисках лучшей жизни, да так и пропали. Может, нашли ее? Лучшую жизнь? Или сгинули, не найдя пристанища? Две сестры вышли замуж да уехали в соседние селения. А как родители с мужем померли, так совсем одиноко стало, хоть волком вой.

Хата понемногу нагревалась. Мира залезла на полати и калачиком свернулась на старой лежанке. Мысли ходили по кругу. Они снова вернулись к черноокому чудовищу. Пусть умирает. И совесть ее пред богами чиста, не от ее рук его постигнет смерть, и Мира будет отомщена. А если ни холод, ни раны его не возьмут, где-то там, по болотам, гуляет навка. Мирослава не знала, что она может сделать с человеком, повстречай его на своем пути, но догадывалась, что ничем хорошим для него это не обернется. К тому же в лесу, становящимся с каждым днем все холоднее, рыскают волки да кабаны. Медведи уже спать легли, но и без них хищников хватает. Монойцу никак не выжить. Эта мысль должна была приносить радость или, по крайней мере, удовлетворение. Но нет. Наоборот: какой-то червячок сомнения копошился внутри. Стараясь унять беспокойные мысли, северянка обхватила руками голову. Она не знала, как долго пролежала так, но в конце концов дремота одолела ее.

Ее окружал детский плач. Он доносился из колыбельки, которая висела в том месте, где Мира у Драганы ее никогда не видела. Женщина наклонилась, но младенца там не было. Она пыталась найти источник звука, но никак не могла. Ходила по хате, заглядывала в сени, под печь и даже в саму печь – но никак не находила ребенка. А он так жалобно звал... Наконец

она попыталась открыть дверь, но рядом появилась сама старая знахарка и, как в тот раз, схватила ее, не давая выйти. Драгана смотрела на нее и медленно качала головой, не говоря ни слова. А потом подвела Мирославу к ведру с водой и, положив ей руку на затылок, заставила наклониться ближе. Северянка видела себя в отражении: голубые глаза, маленький нос с чуть заметной горбинкой, светло-русые волосы, заплетенные в толстую косу. Драгана стояла сзади и все настойчивее приближала ее лицо к поверхности воды. Мирослава начала сопротивляться, но не могла. Тело не повиновалось ей. Вот кончик носа уже коснулся водяной глади. Мира дернулась, но Драгана держала железной хваткой и резко опустила ее лицо в ведро. Холодный ужас захватил ее, будто вместо крови по телу побежал лед. Мирослава билась что было мочи, дергала ногами и руками, вся одежда от шеи и до живота пропиталась жидкостью, но старуха только крепче сжимала ладонь на ее шее. Дыхание закончилось, сил терпеть не осталось. Сделав последний отчаянный рывок, она жадно вдохнула. Но вместо студеной колодезной воды, которым было наполнено ведро, нос и рот заполнило что-то другое. Тягучее, сладкое, теплое. Она дышала этим, наполняясь чем-то новым. Чувствовала, что даже сердце забилось по-другому. Хватка ослабла, а через несколько мгновений перестала чувствоваться вовсе. Мирослава подняла голову из ведра. С лица стекали капли и бередили водяную гладь, не давая хорошо рассмотреть отражение, но в какой-то момент женщине почудилось, что оттуда зелеными, как у кота, глазами, на нее смотрит Драгана. Только у нее не старое сморщенное лицо, а молодое: гладкое и красивое. Мира проморгалась – теперь водяная гладь отражала лишь ее.

Она резко подхватила. Хату заливали яркие солнечные лучи. Это сон. Только сон. Но в следующий момент она поняла, что лежит на полу, прямо посреди хаты, а не на полатах, куда забралась перед сном. Колыбельки действительно не нашлось, да и откуда ж ей появиться? Если и были у Драганы дети, то очень-очень давно. Да и не говорили они об этом никогда. А вот ведро стояло. А вокруг на деревянном полу – впитавшиеся мокрые лужи, будто кто-то расплескал воду... Однако внутри – абсолютно сухо.

Мирославу передернуло. От макушки вниз побежали мурашки, поднимая каждый волос на теле. Неужели это не сон? Или, вернее, не совсем сон?..

Женщина вышла во двор. Она ощущала потерянность. В странном заторможенном состоянии набрала воды в ведро и медленно поднимала его из глубин колодца. Сон не давал покоя. И все же она не чувствовала опасности от Драганы-покойницы. Даже когда та крепко держала ее лицо под водой. Сейчас, вспоминая ночное видение, Мира чувствовала, что знахарка не желала ей зла, наоборот, хотела что-то показать.

С трудом вытащила ведро – сил совсем не осталось, она и не помнила, когда в последний раз ела. Зачерпывая руками воду, принялась жадно пить прямо из ладоней. Умылась, убрав грязную корку из крови, пота и слез. Ветер приятно охлаждал влажную кожу. Она подставила лицо солнцу, щурясь. Это было хорошо. Последние солнечные дни перед долгой серой и почти беспросветной зимой.

А что, если и вовсе перебраться сюда? Подальше от соседей? Все равно за ее спиной шепчутся. С тех самых пор, как она потеряла всю семью. Сначала северянка ловила на себе сочувственные взгляды, потом – недоуменные и даже слегка осуждающие, когда Мира сошлась со знахаркой. Что скрывать, все знали, что та обучает молодую вдову тому, что умеет сама. Все равно из Миры работник в поле никакой, а своего хозяйства не осталось. После смерти мужа пришлось продать лошадь, чтобы как-то прожить первое время. А земля, на которой они живут и работают, и так им не принадлежит. Все княжеское.

Староста наверняка согласится отпустить ее из общины при условии того, что она станет лечить нуждающихся. Ведь теперь, когда Драганы нет, Топи остались без знахарки. Почему эта мысль раньше не приходила ей в голову?

Мира не хотела больше замуж. Не было в ее селении ни одного свободного мужика, который вызывал бы в ней если не симпатию, то хотя бы какое-то нейтральное чувство. Да и на нее

теперь никто не смотрел. Местные побоялись бы брать в жены такую, как она, – вызвавшую гнев богов. А иначе как объяснить, что Мира такая несчастливая, к тому же – бездетная?

Пора идти к старосте. Пусть вынесет решение.

Она поднялась и побрела обратно к селению. И вдруг вспомнила о вчерашней встрече с монойцем. Как пить дать, уже мертвый лежит. Поделом. И все же при этой мысли больно кольнуло в груди. Где-то очень глубоко внутри она понимала, что он тоже человек. Или когда-то являлся им. И все же многолетняя вражда народов давала о себе знать. Мира с трудом могла представить, что эти свирепые захватчики когда-то тоже были во чревах матерей, когда-то бегали босоногими мальчишками, что они смеялись от счастья и плакали от горя...

Она с опаской подходила к тому месту, где вчера видела монойца. Заметила его еще издали.

«Значит, мертв», – с каким-то облегчением подумала женщина. Уже смелее она подошла ближе и застыла. Мужчина был явно жив. На его неестественно сером лице выступила испарина, глаза – закрыты, только веки подрагивали да губы беззвучно шевелились.

– Тяжко умираешь, видно, боги не хотят забирать к себе такую черную душу, – склонилась она над раненым.

Он приоткрыл узкие глаза, но в них не отразилось понимания, их словно покрывала пелена. Человек смотрел куда-то сквозь Миру, и от этого становилось жутко. Она самыми кончиками пальцев приоткрыла плащ, в который он бессознательно закутался, и увидела, как на боку, в том самом месте, где скрепляются передняя и задняя часть кожаного доспеха, расплывается кровавое пятно.

Тяжесть поселилась в груди Мирославы. Она смотрела на этого иноземного богатыря, на это чужестранное чудовище... И ей стало его жаль. Он сильно страдал.

На поясе у него висели пустые ножны. Мира поискала глазами и заметила краешек рукоятки, торчащей из-под плаща. Женщина аккуратно взяла длинный нож. Начищенное до блеска лезвие сверкнуло на солнце, на миг ослепив ее. Мира зажмурилась. Ни капли крови. Он никого не убил.

Не успел или не захотел?..

Глупость какая. Они – безжалостные убийцы. Просто не смог. Княжеская дружина подоспела вовремя. И все же, может быть, он достоин того, чтобы прекратить его страдания? Мира аккуратно развязала доспех, сняла переднюю часть – мужчина вдохнул полной грудью и задышал глубже. Обеими руками она крепко сжала тяжелую рукоять, направив острие туда, где находится сердце. Видимо, раненый почувствовал легкий укол и снова раскрыл глаза. На этот раз он был здесь, с трудом сосредоточил на ней взгляд, чуть кивнул и улыбнулся, как бы давая согласие на ее действия. Мира смотрела на эту слабую, но очень искреннюю улыбку и медлила. А он глядел в ее глаза. И в них читалась такая жажда смерти, что у северянки задрожали руки. Он улыбнулся шире, из уголка глаза сорвалась капля и покатилась по виску. Мира и сама не заметила, как щеки ее стали мокрые. Он что-то шепнул на своем. Нетрудно догадаться, что торопил ее исполнить начатое.

Женщина сделала глубокий тяжелый вдох и, крепче сжав рукоять, занесла лезвие для одного точного удара...

Глава 5

– Коль хочешь – держать не буду, – молодой староста устало привалился к стене своей хаты, сидя на узкой деревянной лавочке.

Мира узнала, что ночь выдалась не менее тяжелой, чем день. Пока помогли всем раненым, пока собрали и спалили трупы врагов – в селении до сих пор было трудно дышать от горь-

коватого дыма, окутавшего все вокруг и не желавшего быстро рассеиваться. Отдельно предали огню своих мертвецов. К счастью, в этот раз их оказалось немного.

Войко занял должность старосты совсем недавно, летом, переняв ее от почившего отца. Пару лет назад, когда Мира ходила еще в девицах, Войко и сам думал свататься к ней, даже пару раз гулять звал, да не срослось. Мало приданого она имела, по мнению его батьки.

Женщина исподтишка глянула, как Войко щурится в лучах обеденного солнца. Сейчас наверняка и рад. Вон, Богдана-красавица уже третьего малыша носит, живот такой огромный не по срокам, может, и двойней разродится. На Миру с прищуром поглядывает. Неужто ревнует? Не было бы ему счастья с Мирой. И все равно она прямо кожей ощущала, как от него исходит сочувствие. Ей сейчас это только на руку.

– Сколько наших полегло? – спросила Мира. Она вдруг поняла: так увлеклась своим горем, что и не замечает ничего вокруг.

– Трое, – нахмурился Войко. – А коли б не князь с дружиною, так и не говорили б с тобой сейчас, – он приоткрыл свой тулуп, где сквозь вырез рубахи виднелись окровавленные повязки.

– Я сделаю отвар, чтобы заживало скорее, – подхватила. – Драгана научила.

Староста кивнул, продолжая мысль:

– Зато бесов этих всех того, – он провел ребром ладони по шее. – Ни один не сбежал.

У Мирославы захватило дыхание. Тут бы нужно рассказать о том, что произошло, но язык прирос к небу.

– Ну, что стала, как навку увидела? – протянул Войко беззлобно. – Перебирайся в свою глушь, несколькими мешками муки да крупы мы тебя обеспечим, а взамен будешь людей лечить заместо Драганы-покойницы.

– Благодарствую, Войко, – Мирослава поклонилась. – Завтра принесу тебе лечебный отвар, трав-то у Драганы вдоволь в хате.

– Сделай побольше, Вячке и Дробну тоже неслабо досталось.

Мира склонила голову и оставила клюющего носом старосту в одиночестве. Сама пошла в свою хату собрать немногие пожитки. Однако вещей оказалось не так уж и мало, во всяком случае, на руках не донести. Пришлось просить телегу с кобылкой у соседки. Та поохала, поахала, что Мира приняла такое неожиданное решение, да на телегу не покупила. А Мирослава почувствовала, как от женщины повеяло облегчением. Что-то странное происходило. Она словно знала, что на душе ее собеседников. Не сами мысли, но какие-то образы и ощущения улавливались довольно четко. И это пугало.

Пообещав вернуть хозяйство завтра утром, Мира направила кобылку в сторону леса. Покинув пределы селения, она даже дышать смогла глубже. Присутствие людей вокруг в последнее время давило на нее.

Но каждый шаг лошади глубже в лес заставлял Мирославу все сильнее сжимать и тереть поводья. Она кусала губы.

Не смогла! Не смогла вонзить нож в незащитную грудь полуживого врага. Руки задрожали так, что оружие выпало из ослабевших ладоней. Поднялась, убежала. Смалодушничала. Оставила его наедине со своей агонией. Ни боги, ни звери, ни навки – никто не забрал его душу, никто не умертвил тело. Такому чудовищу не место на ее земле. Ни живому, ни мертвому.

Ту ель она увидела издалека. Сердце глухо стучало в висках. Уже отошел? Или все еще цепляется за жизнь? Ничего хорошего в ней его все равно уже не ждет. Поняв, что команда захватчиков повержена, их же товарищи наверняка уже давно отплыли на корабле в родные земли. Один он все равно не выберется из княжества. Только не с такой внешностью. Слишком сильна была ненависть вятичей к монойцам.

Мира подъехала к мужчине. Он явно не желал умирать самостоятельно. А лесные хищники упрямо не желали заканчивать начатое людьми.

Моноец дергался, что-то вскрикивал в бреду. Мира, как замороженная, слезла с повозки и снова опустилась перед ним на колени, потрогала лоб – чужак весь горел.

– Будь ты проклят! Проклят! Слышишь?!

Она не решилась убить его, но оставить здесь беспомощного – тоже не могла. Мира несколько раз ударила кулаками мерзлую землю. Боль немного отрезвила ее. Холод должен был его доконать. Но и тот не смог сломить это чудовище. Она схватила чужестранца за плащ и, глотая горькие беспомощные слезы, всхлипывая на ходу, потащила к повозке. Кое-как, напрягаясь из последних сил, взволокла бессознательное тело на телегу и в изнеможении повалилась рядом, тяжело дыша. Этот великан весил еще больше, чем она могла вообразить. Полежала немного, пока сердце ни успокоилось, и перебралась вперед, дав команду лошади двигаться.

Первым делом следовало устроить раненого. А ну как кто решит к ней наведаться? Вряд ли, конечно, но чем бес не шутит? Как она станет объяснять, что у нее умирающий моноец, женщина решила даже не думать, всей душой надеясь, что до этого не дойдет. Осквернять хату этим чудовищем она не собиралась. Старый курятник пустует, там ему самое место. Однако подвезти телегу близко к нему не получилось. Северянка еле стащила ношу с повозки, скрывшись, когда тело глухо шмякнулось об землю. Не подрассчитала силу, не удержала. Принялась тащить за плащ – сделала несколько шагов и упала прямо у крыльца дома. Расстояние до курятника казалось непреодолимым.

Мирослава сплюнула, чуть не попав на монойца.

– Что ж ты будешь делать?!

Взяла себя в руки и на последнем издыхании взволокла его в сени. Чужак все это время не шевелился, лишь изредка стонал.

– Бесово отродье! – кряхтела Мира. Хотела так и кинуть – в сенях, да мужчина оказался слишком высоким, он туда просто не вмещался. Оставлять же открытыми двери и впускать холод – мысль не самая лучшая.

Наконец ей удалось втащить его в хату. Пока новая хозяйка домика переносила вещи из телеги, пока распрягала и устраивала на ночь лошадь, пока топила печь – чужак лежал на полу. Из-за своего роста он не помещался даже на лавку. Мира придумывала все новые и новые дела, чтобы оттянуть тот момент, когда придется прикоснуться к этому нелюдю. И только когда все пожитки были разложены по местам, приготовлен нехитрый ужин и сделан заживляющий отвар для старосты, женщина поняла: больше оттягивать нельзя.

Она спустила с полатей старую лежанку, все равно будет спать на той, которую привезла из своего дома. Положила ее прямо на пол и перекатила туда раненого. Сняла с него верхнюю одежду, обувь и рубаху, еще раз поразившись размерам этого великана. По сравнению с ним ее покойный Вторак казался крошечным, хотя он был среднего телосложения. Обтерла чужака влажной тряпкой, смывая грязь, пот и кровь. Подивилась диковинному рисунку на его груди: в том самом месте, где тяжело и сильно ухало сердце, сияло черное солнце. Вернее, узор напоминал ей круг с лучами, а что изображено на самом деле, Мира не знала. Но рисунок находился словно под кожей, он не стирался.

Промыла рану отваром, перевязала ее. Для этого пришлось порвать на длинные лоскуты простынь. Уж как не хотелось Мира портить еще нестарую вещь, но ничего другого подходящего она не нашла. Туго перемотала живот. Плотные кожаные штаны решила с него не снимать. А потом села штопать его рубаху в том месте, где ее разрезал меч, то и дело тяжело вздыхая. Она не понимала, зачем делает это все. Но что же еще оставалось, когда она не могла ни убить, ни оставить его под этой злосчастной елью?..

Из глубины сознания всплывала очевидная мысль: рассказать о нем Войко. Но и этого Мира не сделала. Внутри царил полный сумбур. Уставшая за целый день и убаюканная монотонной работой, Мира задремала, сидя прямо на лавке. Во сне она снова видела Драгану. Только теперь она выглядела девицей – молодой, полной сил. Она улыбнулась Мирославе,

подошла к веревке с развешанными пучками трав, сняла один и подожгла, сразу затушив. Склонилась над лежащим мужчиной и принялась водить над ним чадящим пучком, приговаривая:

«Иду, иду, гоню беду. Заведу, запутаю, в молитву закутаю, травы воскурю, тело заживляю. Да будет так!»

Женщина встрепелась, во сне случайно уколовшись иголкой, и беспомощно огляделась. Кроме нее и раненого в хате по-прежнему никого не было. И все же это не простой сон. Мира уже поняла, что Драгана каким-то образом поделилась с ней своими способностями. Все еще ощущая нереальность происходящего, новая хозяйка подошла к травам и повторила все, что видела и слышала... Каждое слово – точь-в-точь. Раненый закашлялся от дыма, заметался в бреду. Северянка сперва испугалась, но будто кто-то невидимый держал ее руку, помогая закончить начатое. Когда пучок истлел, моноец успокоился и мирно уснул.

Мира не стала терять времени и, кое-как затянув лежанку на полати, почти сразу провалилась в глубокий сон без малейших видений.

Глава 2

Проснувшись на рассвете, сразу пошла проверять, не умер ли раненый. Мужчина дышал. Ровно и глубоко. Просто спал.

– Ничего-то тебя не берет, – скривилась Мира, хотя где-то в глубине души испытала чувство, похожее на облегчение.

Сегодня нужно вернуть телегу с лошадью и отвезти отвар старосте. Не откладывая в долгий ящик, Мира наскоро перекусила тем, что осталось с вечера, и двинулась в путь, перед этим тщательно заперев дверь. Никто не должен знать о ее тайном... Кто же он? Назвать гостем язык не поворачивался. Пленником? Женщина чуть не расхохоталась. Какой из нее захватчик? Врагом? Но ведь врагов не вытаскивают с того света... Никто не должен знать о первом больном, которого она взялась лечить. Да, если воспринимать его с этой точки зрения, становится гораздо легче.

Вернулась ближе к полудню. Подошла к двери. Прислушалась. Тихо. Несколько раз повернула большой металлический ключ и отворила скрипучую дверь. Натопленный с утра дом продолжал хранить тепло. Мира сняла тулуп, оставив его в сенях. Озябшие на холодном ветру пальцы плохо слушались. С замиранием сердца она вошла в основное помещение.

Моноец лежал на спине неподвижно, широко раскрыв глаза. В груди что-то сжалось и ухнуло вниз. Мертв.

Но как только она сделала два шага к нему, «покойник» повернул в ее сторону голову. Мира подпрыгнула и отпрянула. Он смотрел тяжелым взглядом, буквально приморозив ее к полу. Она страшно испугалась. Сперва того, что все старания пошли прахом, потом – что он не только жив, но и очнулся. Как долго они играли в молчаливые гляделки, сказать трудно. На лице его не читалось ни одной эмоции, будто он и вправду уже умер. Когда Мира поняла, что уже задыхается под тяжестью черных глаз, мужчина медленно вернулся в прежнее положение, уставившись в потолок.

Она отмерла, глубоко втянула воздух, пахнувший дымом от печи, и постаралась как можно более непринужденно заняться домашними делами. Руки все еще тряслись. Она страшилась этого великана так, что хотелось плакать. Но об этом нужно было думать раньше. А теперь что? Теперь только и оставалось делать вид, что все в порядке.

Принесла из селения курицу. Уже обезглавленную и ошипанную. Утром, когда она заявила к соседке отдавать телегу, та предложила ей весьма выгодный обмен: пару лет получать мясо и птицу за то, что ее хату займет старший сын соседки с молодой женой. Мира все равно не собиралась туда возвращаться. В последнее время ей все труднее находиться среди людей.

Чужестранец снова заснул, и Мира воспользовалась этим, чтобы сменить повязки. Рана как будто затягивалась. Но вот долгое пребывание на холоде все-таки дало о себе знать. Моноец стал кашлять. Сперва понемногу, но к вечеру разошелся так, что вскакивал, сгибаясь пополам. Тут же хватался за раненый бок и без сил валился на лежанку, несколько раз лишался чувств. Уже отступивший жар снова завладел телом. Мире казалось, что в доме появилась еще одна печь.

Пришлось искать рецепт подходящего снадобья в книге, которую Драгана собственноручно заполняла. Мира еще плохо читала, знахарка научила ее перед самой смертью. Но все же, потратив довольно много времени, она нашла несколько вариантов. Всю ночь металась от печи, где булькали необходимые отвары, к больному, которого то и дело нужно было обтирать влажными тряпками, чтобы он не сгорел почти в прямом смысле этого слова. Только к рассвету смогла напоить его результатами своих трудов.

Женщина оказалась так вымотана, что даже не смогла добраться до полатей. Уснула прямо на полу, возле чужака, положив голову на краешек его лежанки. Еще несколько дней

назад она ни за что не решилась бы на такое, но теперь почему-то не испытывала такого ужаса перед этим чужестранцем.

Утром не сразу сообразила, где находится. Еще не привыкла к этой хате. Мужчина спал. Кожа его ощущалась даже слишком холодной, но кашель ушел, дыхание – не такое тяжелое. Но самое странное то, что Мира лежала рядом с ним! Наверное, во сне перебралась с пола на более мягкую поверхность. Раненый даже немного подвинулся. Северянка недовольно покачала головой сама себе и готова была, скидывая остатки сна, идти готовить завтрак, когда в дверь постучали.

Сперва она убеждала себя, что это только почудилось, но стук повторился. Он становился все настойчивее. Сердце забилося загнанной птишкой. Она никак не ожидала, что к ней могут прийти. Взгляд ее метался по комнате. Она заметила, что моноец тоже проснулся. Его взгляд казался серьезным и сосредоточенным, будто он не спал до этого вовсе. Мира заметила его непроизвольный жест: чужак потянулся рукой к тому месту, где раньше висели ножны. Конечно, Мира давно их сняла и спрятала вместе с ножом за печью.

– Мирослава, открой, поговорить нужно! – раздалось снаружи.

Женщина наконец подхватила, испуганно поглядела на мужчину и приложила палец к губам, надеясь, что он поймет жест. Кажется, тот все прекрасно понимал сам, потому что кивнул. Она закрыла его пологом, который в случае надобности перегораживал помещение на две части. И, глубоко дыша, чтобы усмирить расшалившееся сердце, пошла отпирать.

– Что долго так? Спала что ль? – неприветливо встретила ее одна из бывших соседок.

– День, поди, давно начался.

Мира стояла в дверях, поправляя косу, которую так и не расплела перед сном.

– Чего тебе, Деяна?

Она всегда недолюбливала не в меру любопытную и чересчур болтливую женщину – почти ее ровесницу, лишь на пару лет старше. Но та предпочла не заметить, что ей здесь не рады, и прошмыгнула мимо Миры в дом. Та кинулась следом.

– Войко просил еще отвара твоего, помогает ему и другим нашим. Только выпили уж все.

– А почему тебя отправил? – недоверчиво покосилась на селянку, которая во все глаза рассматривала пучки трав, и одновременно ногой тихонько задвигала глубже под лавку сапоги монойца. Она вовсе не горела желанием объяснять сплетнице, откуда у нее в доме мужская обувь, к тому же принадлежащая явно не северянину.

– Так я сама предложила, дай, думаю, проведу, как ты обосновалась здесь.

– Спасибо, замечательно, – сдержанно заметила Мирослава, ища глазами, куда бы налить отвар. Ночью она приготовила и его. Все равно он еще требовался чужаку.

Кажется, Деяна поняла, в чем проблема, и стукнула себя по лбу.

– Я ж принесла тебе молока! – она извлекла из сумки два кожаных сосуда. – Вот, перелей и сюда налей.

Кажется, женщина прекрасно обо всем осведомлена. Пока Мира возилась с молоком, переливая его в кувшин, пока мыла фляги, соседка хотела уже без спроса заглянуть за полог. Заметив это, Мира чуть не поседела, понимая, что не успевает ее остановить. Но из-за занавеси откуда ни возьмись выскочила огромная серая крыса и, пробежавшись маленькими лапками прямо по ногам перепуганной селянки, убежала в сени. Деяна взвизгнула и вскочила на лавку. При этом Мира готова была поклясться, что услышала смех Драганы. Мирослава, тщательно пряча улыбку, мысленно поблагодарила почившую хозяйку жилища. Тут никогда ни крыс, ни мышей не водилось. И эта появилась не просто так.

Когда знахарка наполнила бурдюки отваром, Деяна не задержалась ни одного лишнего мига. С опаской слезла с лавки и, поблагодарив, поспешила в селение.

Мирослава все переживала, что чужестранец может выдать себя, кашлянув или чихнув в самый неподходящий момент, но все обошлось. Она тщательно заперла за незваной гостьей

двери и раскрыла полог. Мужчина сидел, привалившись к стене. Наверное, это все, на что он сейчас способен – встретить опасность хотя бы не лежа. Он смотрел на хозяйку дома очень серьезно, прищурив и без того узкие глаза.

– Все хорошо, – сказала она больше себе, чем ему, но великан кивнул, будто понял смысл этих слов, и с глухим стоном улегся.

Так прошло еще несколько дней. Чужаку становилось то лучше, то хуже. Лихорадка не хотела покидать его тело. Несмотря на заговоры, настойки и отвары, ему было худо. А в моменты, когда становилось лучше, он просто лежал, глядя в потолок. За все время, проведенное рядом, монотонно не произнес ни слова. Не то, чтобы Миру это беспокоило, она все равно не поняла бы ни слова. В какой-то степени она даже радовалась этому молчанию, ведь звуки монойской речи пугали ее. Глубокие, гортанные, резкие. Язык походил на народ, который им пользовался: грубый и страшный, леденящий кровь. И все же она не привыкла так долго молчать, а разговаривать сама с собой не могла, стеснялась при постороннем.

Поэтому в очередной раз, когда великан забылся в горячке, а она пыталась не допустить, чтобы его тело нагрелось еще больше, Мира запела. Она тихо мурлыкала колыбельную, с помощью которой мать качала ее, а потом и младших братьев.

Мужчина подергивался в беспокойной дреме, страдая от жара, но как только первые звуки ее голова донеслись до него, стал успокаиваться. Воодушевленная Мира продолжила петь, пока он не задышал глубоко и ровно. Ей даже показалось, что эта простенькая мелодия, передающаяся из поколения в поколение, подействовала на больного не хуже заговора.

В следующий раз она завела незамысловатый мотив сама себе, когда села чинить прохудившуюся одежду. Напевала под нос, думая о том, что до того, как начнется настоящая зима, нужно позаботиться о дровах. Тех уже почти не осталось. На это уйдут последние скудные запасы, которые еще оставались после продажи лошади, но ничего не поделаешь. Без дров здешние морозы она не переживет. А еще этот... Не зря монойцы никогда не появлялись зимой – знали, что погода слишком сурова. А еще волки. В снежное время от них спасу нет. Нужно будет обновить изгородь вокруг дома, иначе она и из хаты выйти не сможет после захода солнца. А ведь сейчас уже быстро темнеет.

Увлечшись мыслями, северянка замолчала. Мелодия прервалась.

– Спой еще, – раздался хриплый низкий голос.

Мира уронила шитье, оглядываясь. Но в хате, кроме нее и монойца, никого не оказалось. Она непонимающе на него уставилась. До этого он все время лежал, бесцельно глядя в пустоту, теперь же смотрел прямо на нее внимательно и даже... нежно, с мольбой. У Миры захватило дух от такого взгляда.

– Пожалуйста, – вновь подал голос он, закашлялся, прочистил горло и снова добавил: – Спой еще.

Женщина подскочила, ловя воздух ртом. Ответить что-то не получалось. Наверное, ее так не удивило бы, если бы она вдруг заметила, что у чужака выросли рога или копыта. Но он говорил на ее родном языке! На том, который использовали ее родители, деды и прадеды! Она уже смирилась с тем, что, ухаживая за ним, предает свой род. Что из-за своей слабости не смогла опустить поднятое оружие, не смогла убить врага. Но слышать, как он оскверняет ее родной язык, говоря на нем, – оказалось выше ее сил.

Мира почувствовала, что задыхается. Стены словно сужались перед ней, норовя раздавить. Весь воздух разом покинул грудь. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Почти на ощупь она добралась до двери, схватила тулуп с крючка и буквально вывалилась наружу. Некоторое время постояла на четвереньках, приходя в себя, встала и как во сне пошла в лес, не разбирая дороги.

Нет, он не может говорить на ее языке! Не должен! Внутри от этого что-то ломалось и крошилось. Вся ее картина мира рушилась. Она и так уже видела, что моноец не чудовище, какими в ее селении их все представляли. Он ест ту же пищу, что и она, пьет ту же воду, дышит тем же воздухом. Признать, что он говорит на ее языке – увидеть в нем человека. А она не могла себе этого позволить. Он нелюдь, бес, нечистый!

А может, показалось? Может, она, расплачиваясь за свое злодеяние, теряет разум? Но нет, это слишком простое объяснение. Она прекрасно слышала, как он говорит. Чисто, без акцента.

Первое потрясение минуло, и Мира задалась естественным вопросом: откуда он знает ее язык? Ей нужно было узнать ответ. Во что бы то ни стало. Только теперь она заметила, что в лесу уже смеркается. Где-то вдалеке заплакало дитя. Но Мира теперь знала, что никакое это не дитя вовсе, навка зовет. Голос кликал маму. Со всех ног женщина припустила к дому. И чем ближе оказывалась, тем спокойнее ей становилось. Будто знала, что за ней нечисть не последует. И вправду. Вдруг она поняла, что давно не слышала навых песен. С тех самых пор, как чужак поселился в ее доме. В голову вдруг ударила мысль, что она не закрыла двери! А вдруг кто-то приходил? Да и холоду напустила! Совесть больно уколола прямо в сердце. С таким трудом лечила чужестранца, чтобы он снова заболел?

Забежала в хату, переводя дух. Дверь оказалась не заперта, но и не открыта настежь. Печь – натоплена, хотя сегодня она этого еще не делала. Получилось даже слишком жарко. Но мужчине, по всей видимости, было весьма комфортно именно при такой духоте. Она зажгла светильник от уголька из печи.

И застыла: чужестранец лежал нагой. Лишь белые повязки выделялись на смуглом теле даже в таком бледном свете. Моноец лежал на животе, чуть согнув ногу в колене. Только краешек одеяла прикрывал ягодицы, остальное все открывалось ее взору. Она могла рассмотреть каждую мышцу поджарого мощного тела, сильные руки, словно высеченные из камня ноги, черные волосы, разметавшиеся по подушке. Мира знала, что они гораздо более жесткие и толстые, чем ее собственные – мягкие и слегка вьющиеся. Не смогла сдержаться однажды, когда он находился в забытии – потрогала.

Перед глазами вдруг встала картина их первой встречи: как он без тени стыда рассматривал ее тело, как сжал волосы, как впился пальцами в кожу... Его горячее дыхание так близко к ее коже... И вместо отвращения, которое она должна, обязана испытать, почувствовала уже давно забытое ощущение жара внизу живота. Краска стыда пощечиной ударила в лицо. Мира резко отвернулась, тяжело дыша. Стянула с себя тулуп и, не раздеваясь дальше, полезла на полати, мысленно ругая себя последними словами. Он и ему подобные столько жизней загубили, их мерзкие руки осквернили столько девичьих тел, а она посмела подумать о нем! Да за одну такую мысль она достойна мучительной смерти. Ей не место среди вятичей. Она приняла верное решение, скрывшись от всех в этой глуши. Предательница! Хорошо, что родители уже почил. Мира не смогла бы смотреть в глаза матери и отцу после такого.

Мучительно остро ощущая свою чуждость и никчемность, она смогла погрузиться в тяжелую дрему, только когда небо побелело.

Разбудили женщину странные звуки. На какой-то миг ей даже показалась, что она снова в родительском доме. Рядом сопят младшие братья, а мама возится у печи, готовя завтрак на всю большую семью. Иллюзию укреплял и запах – свежего хлеба. Мира потянулась и замурлыкала от счастья. Она приоткрыла глаза, все еще не до конца очнувшись от сладкого видения.

У печи хозяйничал незнакомый мужчина. В одних штанах, с голым торсом, волосы собраны в короткий хвост. Когда он повернулся боком, Мира увидела большое солнце на груди слева. Воспоминания толчками хлынули в голову. Она даже захныкала от того, насколько жестокая реальность отличалась от ее представлений. Моноец услышал, что она проснулась, и резко повернулся на звук. С его ростом даже запрокидывать голову не пришлось, он и так

доставал головой до полатей. Их взгляды встретились. Мира не придумала ничего лучше, чем позорно спрятать голову под подушку. Стыд за вчерашние мысли душил ее.

Видимо, истолковав такое поведение по-своему, моноец натянул рубаху, которую хозяйка уже успела починить, накинул плащ и вышел. В первый раз с тех пор, как находился здесь. Мира удивилась, но в глубине души порадовалась, что старания не прошли даром. Спустилась, привела себя в порядок, умылась, переплела косу. Даже успела порезать еще горячий ароматный хлеб с хрусткой корочкой. При этом не удержалась и сунула кусочек рот. Даже застонала о удовольствия. Как у него получилась такая вкуснота? Это ведь мужчина! Покойный Вторак ни разу за то время, что они прожили вместе, не готовил. Мира поставила в печь горшочек с крупой – к хлебу будет каша. А чужака все не было. Она пыталась не замечать этого чувства, тоненьким колокольчиком звенящего где-то глубоко в душе, но он все продолжал свою песенку: Мира волновалась. Где же чужак?..

Наконец, не выдержав, она надела тулуп, обулась и вышла наружу, мгновенно зажмурившись от яркого света. Самый первый снег тонким покрывалом уже запорошил пространство. Перун словно разрезал небо на две ровные части: одну плотно заволакивали тучи, с другой сияло дневное светило. Снежинки медленно кружились, отражаясь на солнце бесчисленным количеством холодных огоньков. От этого слезились глаза. Посреди белоснежного двора стояла громадная черная фигура. Мужчина запрокинул лицо к небу.

Мира беззвучно подошла к нему. Но он почувствовал ее присутствие рядом – посмотрел на нее. Он растерянно улыбался. В его глазах стояли слезы.

– Это снег?.. – только и смог выдавить моноец, снова оглядываясь.

Что-то больно кольнуло в ее груди.

– Снег, – с большим трудом подтвердила женщина.

– Не думал, что когда-нибудь увижу его... Это... – он долго не мог подобрать слово. – Это прекрасно.

Чужестранец выставил ладони вперед и пытался рассмотреть снежинки, которые таяли на теплой коже. Это зрелище человека, пораженного красотой такого привычного для нее природного явления, настолько не вязалось с образом безжалостного убийцы и насильника, что Мира зажмурилась, мотая головой.

– Кто же ты?..

Кажется, она сказала это вслух.

– Я – ветер, что гоняет пыль под ногами, что треплет конскую гриву на скаку, что шевелит молодую листву, что толкает облака в небо...

От этих слов у Миры перехватило дыхание, каждое – ножом по сердцу. Но почему ей так больно, она и сама не могла понять. Отчего-то и в мыслях не было, что он говорит неправду. Ветер... А ведь это и вправду отражало его суть. То, что она в нем чувствовала. А мужчина продолжил:

– Мое имя Рейчар.

– Так на твоём языке звучит слово «ветер»? – догадалась она.

Моноец кивнул, все еще любуясь снежинками.

– Как мне называть ту, которая вернула меня из тьмы забвения?

Она даже не сразу поняла, что он говорит о ней. Так красиво у него получалось. Слова знакомы, но вместе складывались в совсем непривычное звучание.

– Мирослава. Мира.

Он все еще не поворачивался к ней, смотрел вдаль, но она увидела, как чуть приподнялись кончики его губ.

– Мира, – тихо произнес он. – Я перед тобой в неоплатном долгу.

– Пойдем есть, – смутилась она и развернулась к дому.

– Я скоро, посмотрю еще немного...

Она пожала плечами и оставила его одного, продолжая украдкой наблюдать за этим до безумия странным великаном из щелки в двери. Столько мыслей вертелось в голове, что она не могла ухватиться ни за одну из них. И только одно слово так и готово было сорваться с губ: Рейчар.

И все же она заставила себя вернуться в хату. Каша оказалась уже готова. Мира накрыла на стол и стала ждать. Чужестранец появился очень скоро. Сел напротив и подвинул к себе миску, которую Мира приготовила для него. Некоторое время ели молча. Потом женщина не выдержала. И задала вопрос, который мучал ее больше всего.

– Откуда ты знаешь мой язык?

– Моя кормилица, а потом и няня родом из этих мест. Она была рядом почти с самого рождения и тайно учила меня своему языку. Так что, можно сказать, я впитал его с молоком.

Мира сразу помрачнела. Монойцы часто брали в плен и мужчин, и женщин.

– Она прожила хорошую жизнь, ни в чем не нуждалась, – словно прочитав ее мысли, добавил чужак.

– Несвободную. Она ведь была рабыней?

– А вы? Вы все – свободные? Вы, которые живете не на своей земле, собираете не свой урожай. Вы, которые еле тянете от одного сбора податей до другого.

Мира надолго замолчала. Каждое слово, которое выходило из его уст, звучало неприятно. И более всего получалось оттого, что он в какой-то мере прав.

– Может, у нас не самая сладкая жизнь, но кто дал вам право вламываться в наши села, убивать наших мужчин, насиловать наших женщин?! – Мира все больше распалялась, даже подскочила с лавки.

Рейчар ничего не сказал, но она видела, как отлила краска от его лица, как побелели сжатые кулаки. Он тяжело дышал. Моноец злился. Но почему-то она была уверена: не на нее. И все же находиться с ним рядом, когда он в таком состоянии, она не могла – от него веяло силой и опасностью, Мира почти задыхалась.

С трудом соображая, оделась и вышла наружу. Дышать сразу стало легче. Нужно сходить в поселок и купить воз дров. Снег выпал – дальше тянуть с этим нельзя. Через пару седмиц начнутся настоящие снегопады, и тогда повозка может просто не проехать к ней по лесу.

Глава 3

Но боги преподнесли сюрприз. Они не стали ждать даже несколько дней. Зима началась внезапно. Всю дорогу в село снегопад то усиливался, то затихал, но не собирался прекращаться. Пока Мира ходила к старосте договориться о дровах, пока искала, у кого можно взять телегу с лошадью, потому что идти к соседке снова было неудобно, намело приличный слой. В итоге повозку она тоже попросила у Войко.

Выезжала за ворота знахарка уже в сумерках.

– Мирослава!

Она обернулась. К ней спешно шел Войко. Женщина остановила животное.

– Переночуй у нас, погода портится, утром поедешь.

Он знал, что свою хату Мира уже уступила сыну соседки, поэтому и предлагал остаться у него. Неужели за нее беспокоится? Старая симпатия дает о себе знать или он просто чувствует за нее ответственность как староста? Северянка грустно улыбнулась и представила лицо Богданы, если та узнает, что Мира остается у них на ночь.

– Благодарствую, Войко, но у тебя дети малые да жена в тяжести, неудобно это. А я с лошадкой быстро к себе доберусь, не беспокойся.

– Волков не боишься?

– Все будет хорошо.

Она тронула поводья, и телега двинулась с места. Северянка не оглядывалась, но еще долго чувствовала на себе взгляд старосты. Жалела ли она, что у них не срослось? Нет, ни прежде, ни сейчас. Он хороший человек, как и многие в селении, но ни к одному из них она не чувствовала ничего особенного. Никогда.

Когда Мира была совсем маленькой, мама рассказывала им с братьями и сестрами сказки. Князь влюблялся в красную девицу, которую похищал колдун. Или наоборот: девушка шла выручать своего суженого из лап страшного чудища, которое любило задавать загадки. Сказки получались разные, но герои всегда любили друг друга так, что проходили любые испытания, только бы оказаться вместе. Но это ведь лишь сказки. В жизни все по-другому. Здесь бы подумать, как выжить зимой, вспахать землю да посадить будущий урожай весной, потом собрать. И все по кругу. Из года в год. Да разве ж тут есть место каким-то чувствам?

Мира пыталась думать о сказках, о времени, проведенном с мужем, но мысли упрямо возвращались к странному чужаку, который поселился в ее доме. Он чуть не плакал, глядя на снег. Почему-то Миру это безумно трогало. До глубины души. Но она не могла понять причину этому.

А снегопад все усиливался. Ветер то и дело хлестал прямо в лицо – у женщины перехватывало дыхание. Мороз крепчал. Она ощущала, как он пробирается под плотный тулуп, как терзает щеки и нос, пальцев она уже давно не чувствовала, несмотря на теплые рукавицы. Лошадь фыркала и норовила остановиться. Приходилось подстегивать ее поводьями и уговаривать двигаться вперед. В какой-то момент Мира поняла, что уже не разбирает дороги. Снег был везде. Он кружил сверху, по бокам, сзади и спереди. Тропинку замело. Лошадь отказывалась двигаться дальше. Северянка слезла с телеги и, тяжело перекатываясь по глубокому снегу, повела животное под уздцы. Так они прошли еще немного, пока она не поняла, что идти бесполезно. Она не знала, в какую сторону.

Знахарка занервничала. Оглянулась. Но вокруг стояла уже непроглядная ночь. И только снежный вихрь носился вокруг. Ноги превратились в глыбы льда, да и остальное тело задеревенело. Снежные бури не редкость в их краях, но никогда они не приходили так рано. Сколько раз случалось, что в такую погоду люди не доходили до селения, замерзая в нескольких саженьях от изгороди, которую не смогли увидеть...

Тело уже не ощущало холода, но внутри все жгло огнем. Внутренности скручивались, кружилась голова. Неужели это конец? Она несколько раз аукнула, но поняла, что это совершенно бесполезное дело. Ветер завывал так громко, что ее не услышал бы никто, даже находишь этот человек совсем рядом.

Неужто и вправду все?.. Страшно это осознать.

Мирослава отпустила лошадь. Так идти легче. Должно быть, она где-то совсем рядом от хаты Драганы. Но в какую сторону двигаться? Шаг, еще шаг... еще несколько. Глубокая обида непонятно на кого залегла в сердце. Где же в этой жизни справедливость? Умереть в двадцать лет! Да, она уже не юна, но все же и старость придет еще не скоро. Слезы застилали глаза. Теперь женщина шла вообще вслепую, надеясь наткнуться на свою изгородь. В такую погоду даже навка не гуляет. Или ее просто не слышно.

Резкий порыв ветра толкнул Миру в спину и повалил в сугроб. Сил хватило только на то, чтобы, держась за ствол какого-то дерева, сесть и кое-как протереть лицо от налипшего снега. Мира беспомощно зарыдала, но даже слезы быстро иссякли. Она не могла пошевелиться. Ее заносило снегом, превращая в сугроб. Она устало прикрыла глаза.

Будто уже и не холодно вовсе. Снег теперь казался даже теплым. Пусть. Значит, так нужно. Интересно, а она встретится с родителями там?.. А с Драганой?.. Мира уже нечего было терять. И все же одна мысль занозой сидела в голове и не давала спокойно заснуть под песню ледяного вихря.

Рейчар. Он ведь тоже погибнет. Без нее человек, никогда прежде не видевший снега, не переживет такую суровую зиму. Но что она могла сделать? Кажется, Мира бессознательно, бессмысленно шептала его имя.

Перед тем как смежить веки, она из последних сил подняла голову к небу. И краем глаза заметила огонек вдалеке. Он то пропадал, то снова появлялся, мелькая между деверьями. В их Топях говорили, что огни, которые можно видеть в лесу и на болотах – это души покойников. Сейчас Миру это совсем не напугало. Она и сама стояла на самом краю пропасти. Какая теперь разница?..

Женщина закрыла глаза. Она так устала. Смертельно. Пора отдохнуть.

Темнота поглотила ее.

Но вместо покоя пришла боль. Резкая, мучительная. Во всем теле. Руки и ноги кололи тысячи иголок. Кто-то сильно хлопал ее по щекам. Пахло дымом из печи и травами.

– Мира, открой глаза! – послышался смутно знакомый голос. Где она его слышала?

Северянка и хотела бы повиноваться, но это было выше ее сил. Кто-то стал стягивать с нее мокрые, пропитавшиеся растаявшим снегом вещи: шапку, варежки, тулуп, сапоги. Тело волнами окутывало тепло. Но его оказалось недостаточно. Мирославу колотило изнутри, словно в середине груди у нее огромная глыба льда, которая не давала согреться.

– Мира! – обладатель знакомого голоса снова похлопал ее по щекам. – Очнись!

Она тихо застонала. И почувствовала, как горячие руки стягивают с нее платье, а затем и нижнюю рубашку. А потом ее будто положили в раскаленные угли – такой жар она почувствовала. Знахарка слабо вскрикнула и попыталась раскрыть глаза.

– Рей... чар...

– Я здесь, Мира. Я с тобой.

Он прижимал ее обнаженную ледяную плоть к своей голой груди. Тело к телу. Горячий, как печь. Да и лежали они, судя по всему, именно на ней. Он накрыл их одеялом, обнимая ее. И все же Миру продолжало трясти. Но ледяная глыба внутри стала потихоньку таять. Женщина прильнула к нему еще ближе, нуждаясь в этом живительном тепле. Вдыхала запах его пота. Удивительно, но он ей нравился. От него не хотелось отвернуться, напротив – дышать глубже. Она зарылась носом в волосы на груди мужчины, они щекотали лицо. И это тоже было приятно.

Постепенно тело согревалось. Бесчисленное множество игл уже не впивалось в кожу. Мирослава расслабилась. Она слышала, как ровно и сильно бьется его сердце. И этот звук успокаивал лучше любой колыбельной. Когда она прекратила дрожать, он начал легонько поглаживать ее по спине.

– Там лошадь, дрова! – вдруг встрепенулась Мира, которая уже погружалась в сон.

– Ш-ш-ш, – прошептал он в самое ухо, от чего по ее телу побежали мурашки. – Я нашел и ее, она в сарае. Не бойся.

– Рейчар...

– Что, Мира?..

– Спасибо.

– Спи. Все хорошо.

Где-то далеко за стеной продолжала бушевать буря. Теперь Мирослава это прекрасно слышала. Но домишко Драганы только с виду был ветхим, а непогоду выдерживал отлично. Дыхание мужчины выровнялось. Она чуть повернулась, устраиваясь удобнее на его руке, и позволила себе расслабиться и погрузиться в безмятежный сон.

Она не знала, долго ли так лежала, но проснулась от непривычного ощущения чужого тепла рядом. Мира с трудом разлепила веки. Рейчар спал. Женщина оставалась в той же позе, что и засыпала: у него на груди, которая сейчас мерно поднималась и опускалась. Северянка чувствовала кожей лица его дыхание. Одной рукой он продолжал обнимать ее даже сейчас. Знахарка аккуратно высвободилась и привстала на локте.

В доме было довольно темно, но глаза, привыкшие к такому освещению, различали каждую черточку его лица. Она как зачарованная смотрела на этого человека. Почему-то теперь он не казался таким уж страшным. Только очень непривычным. Этот узкий разрез глаз, черные брови, четко очерченные скулы... Сейчас, разглядывая его так близко без всякого стеснения, Мира могла признать, что он даже красив. Какой-то совершенно дикой, необузданной красотой. Как прекрасен дикий зверь или хищная птица, как ливень или даже ураган после долгой засухи. И также опасен.

Мира смотрела и не могла понять, какие чувства этот великан у нее вызывает. Она должна продолжать его ненавидеть. Но не получалось. И даже не потому, что он спас ей жизнь. Просто он какой-то странный. Неправильный враг. Неуверенностью и глубокой, безмерной тоской веяло от него. Сейчас она понимала, что даже тогда, в день их встречи, он отличался от тех, с кем заявился к ним в селение. Он будто боролся сам с собой. Это не ее битва. Самое главное сражение происходило внутри этого огромного, как скала, воина. И, кажется, победил голос человечности. Он ведь ушел ни с чем, а мог взять тело и даже жизнь – она ничего не могла противопоставить ему. А вот теперь он и вовсе не побоялся выйти в такой страшный снежный ураган из дома и найти ее во тьме леса.

Мира, сама того не замечая, протянула руку и кончиками пальцев дотронулась до его лица. Провела указательным по лбу, брови, щеке, губам... Она вдруг поняла, что его дыхание поменялось: ощущалось уже не таким глубоким. Знахарка не успела даже отдернуть руку – он захватил ее запястье в плен своей ладони. Аккуратно, словно боялся повредить. Его рука действительно выглядела настолько огромной по сравнению с ее, что он наверняка мог бы переломить ее одним движением.

Мужчина прижал ее пальцы к своим губам. Мягким. Горячим. Нежно поцеловал ладонь, запястье... Мира замерла, застигнутая врасплох. Он раскрыл глаза и повернулся к ней, все еще не отрывая губ от кожи. Моноец ждал ее реакцию, а женщина будто очнулась ото сна, вдруг ясно осознав, что лежит с ним абсолютно нагая. Кожей ног и бедер она чувствовала, что на нем тоже никакой одежды. Вдруг стало душно, невозможно дышать. Она делала неглубокие вдохи – все, на что хватало силы. Терпкий запах его тела ощущался везде, она пропиталась

им насквозь. Его лицо становилось все ближе. Мира снова задрожала. Но сейчас – вовсе не от холода.

Черные бездонные омуты тянули к себе. Северянка не поняла: она подалась навстречу первой, или он, но в следующий миг их губы соприкоснулись. Аккуратно. Недоверчиво. Они оба будто шли по углям или острым камням. Эти легкие, чуть осязаемые прикосновения так остро пронзали ее тело, что было бы больно, если бы не получалось так сладко.

– Мира... – прошептал близкий чужак.

Он смотрел так робко, словно боялся, что она убежит. Вглядывался внимательно, почти с мольбой. На нее никто и никогда так не смотрел. Это почти невыносимо. Чужестранец заглядывал ей в душу.

– Рей... – откликнулась она.

Бежать не хотелось. Отступить не было сил. Он нужен ей. Здесь и сейчас. И Мира позволила ему увидеть это в ее глазах.

Мира вдруг оказалась лежащей на спине, а он нависал над ней на локтях, не касаясь своим телом ее. И все же она продолжала чувствовать жар, исходивший от него. Обжигающий. Хотелось касаться этого как из камня вырезанного тела. Она обхватила его лицо ладонями, запустила пальцы в жесткие волосы и притянула его ближе, не встретив ни малейшего сопротивления. На этот раз поцелуй получился гораздо более уверенным. Рейчар аккуратно провел самым кончиком языка по нежной коже. Обхватывал губами ее губы. Мира не удержалась и чуть прикусила его, он со стоном, больше напоминавшим рык, отстранился. Прикрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, успокаивая себя.

– Пожалуйста... – только и смогла выдавить Мира, сама не узнав этот хриплый голос. Лежать вот так, когда он настолько близко, но не дотрагивается – мучительно. Но он или не хотел торопиться, или желал дольше помучить ее.

Она положила руки ему на грудь, медленно повела ими в разные стороны, оглаживая напряженные плечи. Мира сглотнула. Он коснулся губами прямо под ухом, она выгнулась навстречу, чуть задев его тело своим. Но Рей снова отстранился, не прекращая взаимные мучения. Только его губы продолжали путь: шея, ключицы, грудь... Когда горячий язык коснулся соска, Мира вскрикнула, извиваясь. Он втянул твердый бугорок, перекачивая тот во рту, ладонь накрыла вторую грудь. Женщина задыхалась, она беспомощно хватала ртом воздух от совершенно незнакомых ощущений. Никогда доселе она не желала мужчину так безумно. Между бедер стало очень влажно.

Рей ощутимо прикусил сосок. Мира снова выгнулась навстречу, из горла непрерывно вырывались глухие стоны. Он отпустил сосредоточение нежной плоти, только чтобы повторить то же самое со вторым. Посасывал, катал на языке и прикусывал, пока женщина не начала тихо всхлипывать.

– Пожалуйста, прошу...

Но и тогда он не внял ее мольбе. Все еще не касаясь другими частями тела, опустился ниже. Язык прокладывал влажную дорожку от солнечного сплетения к пупку. Он потерся щекой о мягкую кожу. Наконец дошел до треугольника волос, зарылся в него носом, вдыхая ее аромат.

– Что... Что ты делаешь? – прошептала она переполошенно и попыталась оттолкнуть его. Это было дико странно и очень стыдно. Покойный муж никогда так не поступал. Сказать по правде, он и не целовал-то ее никогда.

Рей ничего не ответил, лишь поднял взгляд, от него у Миры захватило дыхание. Столько жара, столько чистой похоти!.. Сердце забилося чаще. Не сводя с нее глаз, он медленно раздвигал ей бедра. Она испуганно смотрела, а в нем, напротив, исчезла всякая неуверенность.

Северянка поняла, что его теперь ничто не остановит. Глаза хищника. Глаза победителя. Она не смогла больше выдерживать такой взгляд и прикрыла веки, сдаваясь.

Он все шире разводил ее ноги – до боли. Она лежала перед ним совсем раскрытая. Полностью беззащитная. Вздогнула, когда ощутила, как он аккуратно коснулся самыми кончиками пальцев ее нижних губ и чуть развел их в стороны. Припал ртом к самому нежному месту. В этот момент ее тело пронзила судорога. Совершенно неожиданно. Без предупреждения. Белая вспышка в голове ослепила изнутри, расходясь волнами по груди, животу, бедрам... Мира кричала, сжимая простыню в кулаках.

Лишь на миг он оторвался от нее, чтобы в следующий накрыть собой полностью. Она так этого хотела, что не могла сдержать слез. Он снова поцеловал ее, но теперь в этом действии не осталось ни капли осторожности. Накрыл ее рот своим требовательно. Жадно. Язык проник внутрь. И это тоже оказалось для Миры ново, но она с готовностью отвечала на эти ласки, ощущая, как между бедер в нее упирается каменный член. Рей медлил. Он оторвался от губ и еще раз внимательно посмотрел в глаза. Она видела, что он безмолвно спрашивает разрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.